

В душе Сун Жань царил буря, но она не могла разобрать, какое именно чувство взяло верх. Она знала лишь одно: когда она подхватила на руки этого Омегу, хрупкого, словно бумажный лист, на неё обрушилась толща соленой морской воды. Давление было таким сильным, что она едва могла дышать.

Закрыв глаза и снова открыв их, она постепенно выровняла дыхание. Затем, осторожно уложив человека на кровать, она нажала кнопку вызова медперсонала.

Врачи прибыли быстро. Почувствовав в палате тяжелый, удушливый аромат флердоранжа, они заметно изменились в лице. Лишь старший врач, сохраняя невозмутимость, достал из медицинской тележки стабилизатор феромонов:

— Госпожа Сун, я сделаю инъекцию или вы?

— Это скрытая форма заболевания? — спросила Сун Жань.

— Да, — пояснил врач. — У супруги сейчас наблюдается нарушение работы феромонов, но вам не о чем беспокоиться. Нужно лишь вовремя принимать лекарства, и как только организм восстановится, её можно будет выписать.

— Хорошо, — Сун Жань помедлила. — Сделайте вы.

Сан У вряд ли хотела бы чувствовать её прикосновения.

После того как ввели бледно-голубой стабилизатор, аромат флердоранжа в комнате начал рассеиваться. Вскоре медперсонал распылил нейтрализатор, и последний цветок апельсинового дерева беззвучно увял.

Выйдя из больницы, Сун Жань достала телефон и отправила сообщение водителю. У порога она остановилась, сглотнула и тихо произнесла:

— Я буду приходить каждый вечер. Никому об этом не говорите.

На кровати лежал человек с волосами цвета воронова крыла и кожей, белой как снег. Даже будучи больной, она выглядела пленительно, а её губы алели, словно лепестки роз.

— Слушаюсь, будьте спокойны.

Пока она шла к машине, внимание Сун Жань было приковано к телефону. После того как она объявила о выходе из закрытого чата, её друзья из светской тусовки буквально взорвались от негодования. Больше всех строчила Мо Жу — та самая, что была в хороших отношениях с

прежней, непутевой владелицей этого тела и едва ли могла считаться совсем уж пропащей тусовщицей.

□Мо Жу: Ты что, опять наигралась? Или ты собралась уезжать за границу!?!□

Её длинные каштановые локоны, доходившие до пояса, плавно покачивались при ходьбе. Пациенты и их родственники, отдыхавшие в коридоре, невольно засматривались на эту статную Альфу.

Через несколько минут красный спорткар притормозил у угла больницы. Водитель в черном костюме почтительно открыл дверь. Сун Жань молча села в салон и сухо бросила:

— В резиденцию Сун.

□Мо Жу: Жань, с тобой что? Из-за того твоего сообщения весь чат на ушах стоит!!□

Мо Жу обладала богатым воображением: начав с новости о выходе из группы, она додумалась до того, что Сун Жань уезжает из страны, а затем принялась донимать расспросами, не её ли старшая сестра заставила её это сделать.

Сун Жань усмехнулась и быстро напечатала ответ:

□Никуда я не уезжаю, не выдумывай. Это значит ровно то, что написано.□

Мо Жу ответила почти мгновенно, словно только этого сообщения и ждала, чтобы прийти в себя.

□Мо Жу: ? Это точно ты пишешь?□

Сун Жань лишь хмыкнула про себя. Насколько же сильно прежняя владелица тела пристрастилась к разгульной жизни, если никто не верит даже в её уход из тусовки?

Спорткар мчался быстро. Резиденция Сун располагалась на горе за пределами элитного жилого квартала, и вся эта гора принадлежала их семье. Машина въехала в главные ворота, миновала искусственные ручьи, стекающие от альпийской горки к вечнозеленым соснам. Повсюду цвели роскошные клумбы, а впереди высились старинные павильоны и терема.

Изогнутые крыши, напоминающие горные хребты — Сун Жань не могла не признать, что семья Сун по праву считается одним из древнейших родов Цзиньчэна. Иронично, что в столь почтенном и пропитанном духом старины семействе выросла такая беспутная Альфа.

Не задерживаясь, она прошла в главный зал. Первое, что бросилось в глаза — величественная статуя Будды. Перед ней курились благовония, а на мягких подушках сидели двое пожилых людей. Они не открывали глаз, но уже почувствовали её приход.

— Жань-Жань, ты уже замужем, а все такая же порывистая, — проговорил старик справа.

Сун Жань только хотела поздороваться, как из боковой двери вышла женщина с поразительной внешностью. Её фигура была безупречна, и невозможно было понять, то ли ципао так украшает её, то ли она — само ципао. В её тонкой белой руке были четки с необычным узором. Солнечные лучи пробивались сквозь ажурные окна, окутывая её мягким сиянием, отчего она казалась ослепительной.

— Реку легко изменить, а нрав — нет, — медленно произнесла она.

Память подсказала Сун Жань, что это старшая внучка семьи Сун, правая рука главы группы компаний Сун. У семьи было трое детей, отец прежней владелицы был третьим, так что у неё были кузина и кузен.

— Дедушка, бабушка, — Сун Жань поклонилась, — сестра.

Добрая старушка поднялась с подушек и, опираясь на руку Сун Цинь, подошла ближе:

— Жань-Жань, умница. Ты впервые приехала после свадьбы.

— Удивительно, — Сун Цинь одарила её выверенной улыбкой. — Сегодня ты даже научилась здороваться.

Сун Жань проигнорировала колкость сестры и, чтобы не вступать в перепалку, сама подхватила бабушку под руку:

— Соскучилась по дому, вот и приехала.

— Хорошо.

Осторожно поддерживая бабушку, Сун Жань прошла мимо Сун Цинь к старику:

— Дедушка.

— М-м, надолго сегодня? — старик медленно открыл глаза. — А где Сан У?

Сун Жань слегка замялась:

— Ей сегодня нездоровится, она осталась дома отдыхать.

— Нездоровится? — старик нахмурился. — В больнице были?

— Были, дедушка, не волнуйся. Просто легкая простуда, через пару дней все пройдет.

Улыбка Сун Цинь стала шире, она с интересом разглядывала сестру, которая явно что-то скрывала.

— Ну и хорошо, — старик снова закрыл глаза. — Идите пока в сад, я скоро присоединюсь.

Втроем они вышли во внутренний двор, оставив старика наедине с Буддой. Бабушка души не чаяла в своей внучке. Как только они вошли в сад, она тут же направилась на кухню, заявив, что хочет приготовить для Сун Жань её любимые пирожные с абрикосом и лотосом. Никакие уговоры не помогли, и Сун Жань пришлось смириться.

В тихом саду остались двое. Сун Цинь не спеша перебирала четки, её лицо сохраняло вежливую, но холодную улыбку. На ней было изысканное ципао ручной работы. Сун Жань лишь мельком взглянула на него и почему-то тут же вспомнила о Сан У в больнице. Ей пришло в голову, что Сан У тоже очень пошло бы такое платье.

— Пришла ко мне? — Сун Цинь отпила теплого чая.

Во дворе росли два дерева бегонии. Хотя сезон цветения давно прошел, они придавали этому месту особую поэтичность.

Сун Жань не стала отрицать:

— Да, сестра.

— Говори, чего опять хочешь? — Сун Цинь не прекращала вращать четки. Её алые губы тронула легкая усмешка. — Опять та девица из семьи Ань?

Сун Жань осеклось. Ань Юаньжуань была главной героиней этой книги, и прежняя владелица была буквально одержима ею, даже вымаливала у Сун Цинь помощь, чтобы заполучить её. В книге о Сун Цинь было сказано немного, но Сун Жань знала: с ней шутки плохи.

— Нет, — твердо ответила Сун Жань. — У меня больше нет к ней интереса. Она мне не нравится.

— О? — Сун Цинь растянула гласные. — Тогда в чем мне нужно тебе помочь? Помочь скрыть, что Сан У попала в больницу не из-за простуды, а по твоей вине?

Сун Жань на секунду замерла, осознав, что перед ней — второй человек в империи Сун. Она взяла себя в руки и ответила серьезно:

— Это моя вина, я признаю. Я была подонком и не достойна такой девушки, как Сан У. Я пришла просить тебя помочь нам расторгнуть этот брак.

Браки между знатными семьями — это не просто бумажка, это сложная сеть интересов, и она не могла решить всё в одиночку. Она не презирала Сан У, наоборот — она понимала, что в таком состоянии та просто не вынесет её присутствия. Этот брак для неё — сплошное мучение. Если возможно, Сун Жань хотела подарить ей свободу. Сан У жаждала свободы — это было видно по тому, как она смотрела на дверь больничной палаты.

— Сун Жань, ты в третьем классе учишься? — в голосе Сун Цинь сквозила насмешка. — Пока ты носишь фамилию Сун, развод невозможен. Брак между нашими семьями — не детская игра.

— Но...

— Никаких но, — отрезала Сун Цинь. — Хочешь знать, кому бы досталась Сан У, если бы не ты?

— Кому? — быстро спросила Сун Жань.

— Ван Чэншуану из северного дома Ван.

Сун Жань слышала об этом человеке. Говорили, что этот избалованный отпрыск однажды в припадке наркотической ломки в баре насильно искусал железу одного из Омег.

Её пальцы невольно сжались. Она молчала.

Вскоре вернулась бабушка с горячими пирожными. Они были ромбовидной формы, посыпанные сверху цветами османтуса. Аромат был божественным.

— Жань-Жань, Сяо Цинь, попробуйте, не растеряла ли я мастерство? Давно не готовила.

Сун Жань очнулась, взяла одно пирожное и медленно откусила. Сладость абрикоса переплеталась с тонким ароматом лотоса. Она искренне подняла большой палец вверх:

— Бабушка, это невероятно вкусно.

— Правда? — улыбнулась старушка. — Тогда приезжай почаще. Будешь просить — всегда напеку.

— Хорошо, — мягко ответила Сун Жань. — В следующий раз привезу с собой твою внучку-невестку, чтобы она тоже попробовала.

— Хорошо, хорошо! Буду ждать вас обеих.

В саду воцарилась теплая, уютная атмосфера. Сун Жань пробыла с ними до самого вечера и

вернулась в свой особняк только после ужина. Быстро приняв душ и переодевшись, она решила сама поехать в больницу. После свадьбы они жили отдельно: прежняя «она» то брезговала Сан У, называя её «грязной», то одержимо пыталась ею овладеть, хотя ни разу не добилась успеха.

Больница была недалеко. Сун Жань взяла с собой сменную одежду, опасаясь, что Сан У неуютно в больничном. Но до палаты она не дошла — встретила Сан У в почти пустом коридоре.

Она сидела на скамейке у окна, глядя на серебристую луну. Красивая до нереальности, она замерла, подняв голову к небу. Сун Жань смотрела на неё издалека, боясь нарушить этот хрупкий покой. Между ними было всего три-четыре метра, но казалось, что пролегла глубокая пропасть, в которую можно сорваться в любой момент.

<http://bllate.org/book/21714/2243721>